

Анатолий Агарков

Упала скворечня

Электронная версия

Упала скворечня

*Человек хуже зверя, когда он зверь.
(Р. Тагор)*

1

Смерч налетел внезапно. Вот было ясно, и вдруг разом – завывала, загрохотала буря. Ветер свирепствовал беспощадный. Густая пыль закрыла солнце, во мрак погрузилась земля. Тревожно сжимались сердца в предчувствии беды. Разом вспомнились пророчества о конце света.

Но, наконец, ветер стал стихать. Со всех сторон горизонта поползли тучи. Скоро они заволокли всё небо, пошёл дождь. Он усиливался с каждым часом, лил более суток, но ветер совсем прекратился.

Впрочем, его внезапный порыв больше напугал, чем бед наделал. Кое-где шифер с крыш покидал, одну-две антенны пополам сложил. У Чирковой Катерины, что уборщицей работала в конторе правления, сверзилась скворечня на широкий двор. Домишко-то птичий вроде как и не пострадал, а семейство скворчиное, по всему видать, расшиблось. Когда Катерина, сунув шест в прореху банной крыши, кое-как вознесла скворечню в прежнее стояние, ещё будто покружились вокруг неё расстроенные скворцы, а потом улетели. И с тех пор никто из пернатых в тот домик ни ногой. Даже суетливые воробушки, которым до всего есть дело, облетали Чирковскую скворечню дальней стороной.

А дни стояли превосходные, ясные, первые дни начавшегося лета, когда ещё нет томительной жары, нет душных ночей, когда солнце долго-долго сияет в небе, будто совсем не хочет уходить, а весело и нежно улыбается своими всюду проникающими лучами и вызывает к жизни каждую былинку, выбирает из земли все её силы.

В одну из таких недушных ночей в селе убили сторожа и ограбили кассу правления. А ясным утром приехала

милиция. Собака от порога взяла след да на поводке своём притащила прямо к Чирковскому дому, на пологую крышу бани прыгнула, повертелась и заскулила. Проводник ввиду ветхости строения за ней не последовал, а в сердцах сдёрнул вниз своего помощника.

- Ну, правда, - призналась Чиркова Катерина. – Я, как убралась, с Митричем попрощалась, домой пошла - корову подоила, воды в баню натаскала, но на неё не лазила...

Была она женщиной словоохотливой и не терпела конкурентов даже в лице следователя. А в деле считала себя и пострадавшей.

- Это хорошо, что я не задержалась - один этаж только помыла. Митричу сказала - утром до работы приду, домою. А так бы они и меня.... рядышком....

- Так, так, - милицейский начальник попытался перехватить инициативу в допросе. - Стало быть, в любой час ночи вы могли постучать, назваться, и убитый сторож непременно вам открыл бы дверь.

- И-и-ишь, куда завернул, - вскинулась Катерина, - в убивцы прочишь. Не было меня в конторе опосля. Никто не видел, и ты не докажешь.

Потом завернула концы платка к отсыревшим глазам и запричитала:

- Меня, вдову хворую.... Скажи, лень тебе искать, начальник.

Правление агрофирмы характеризовало Е. Н. Чиркову, как человека с несамостоятельным характером, тяжёлыми семейными обстоятельствами и слабой дисциплиной. К раскрытию преступления эта характеристика возможно отношения не имела, но всё же была приобщена к делу.

Уезжая, закончив все необходимые оперативно-розыскные мероприятия, следователь районной прокуратуры Сальников заявил пострадавшей стороне, представителю фирмы «Ариант-Агро»:

- Все тайны, поверьте мне, имеют весьма обыденное объяснение. Время покажет...

На том, кажется, и успокоились.

В соседях у Катерины Чирковой жил Лука Фатеич Лукьянов, человек миросозерцательный, спокойный и тихий, многие годы перед пенсией проработавший освобождённым секретарём совхозного парткома. Но не так работа повлияла на его характер, как давнишняя война. Имел он от неё орден, несколько медалей, да ещё контузию и ранения. И хотя злые языки шипели за спиной - мол, инвалид умственного труда, имел Лука Фатеич удостоверение инвалида Великой Отечественной войны и с гордостью предъявлял его при случае.

Долго мечтал Лукьянов о пенсии, об отдыхе, который виделся ему золотым солнцем на исходе лета, обилием плодов и звонким птичьим гомоном в ухоженном саду. День хвали вечером, любил повторять Лука Фатеич. Прожив честно жизнь, очень он надеялся на спокойную старость в ладах со своей совестью и старухой.

Вставал рано, выходил в сад и долго, до самой жары, ковырялся там, выпалывая сорняки, подрезая ветки, рыхля землю, поливая грядки. Да мало ли ещё какой уход нужен доброму саду, иль какую ещё найдут себе работу заботливые руки. Разговором сыт не будешь, если хлеба не добудешь, внушал он жене-старухе, ощущая после таких трудов прилив бодрости и здоровья. Быть может, не бывшему партработнику говорить такое, но говорилось.

А уж сад у него – загляденье: всё разумно, всё спланировано и ухожено. Чистота идеальная – ни листочка опавшего, ни травинки лишней. Глянешь – глаз радуется и отдыхает.

И вот однажды – что такое? – на грядке чеснока, что притулилась к Катерининому забору, трухлявость какая-то понабросана. Будто гнездо кто потерял – здесь и пух, и помёт, вот и желторотики дохлые засохли, и солома.

Заказать
полную
версию
произведения
МОЖНО здесь

http://anagarkov.ru/zakaz_form.php